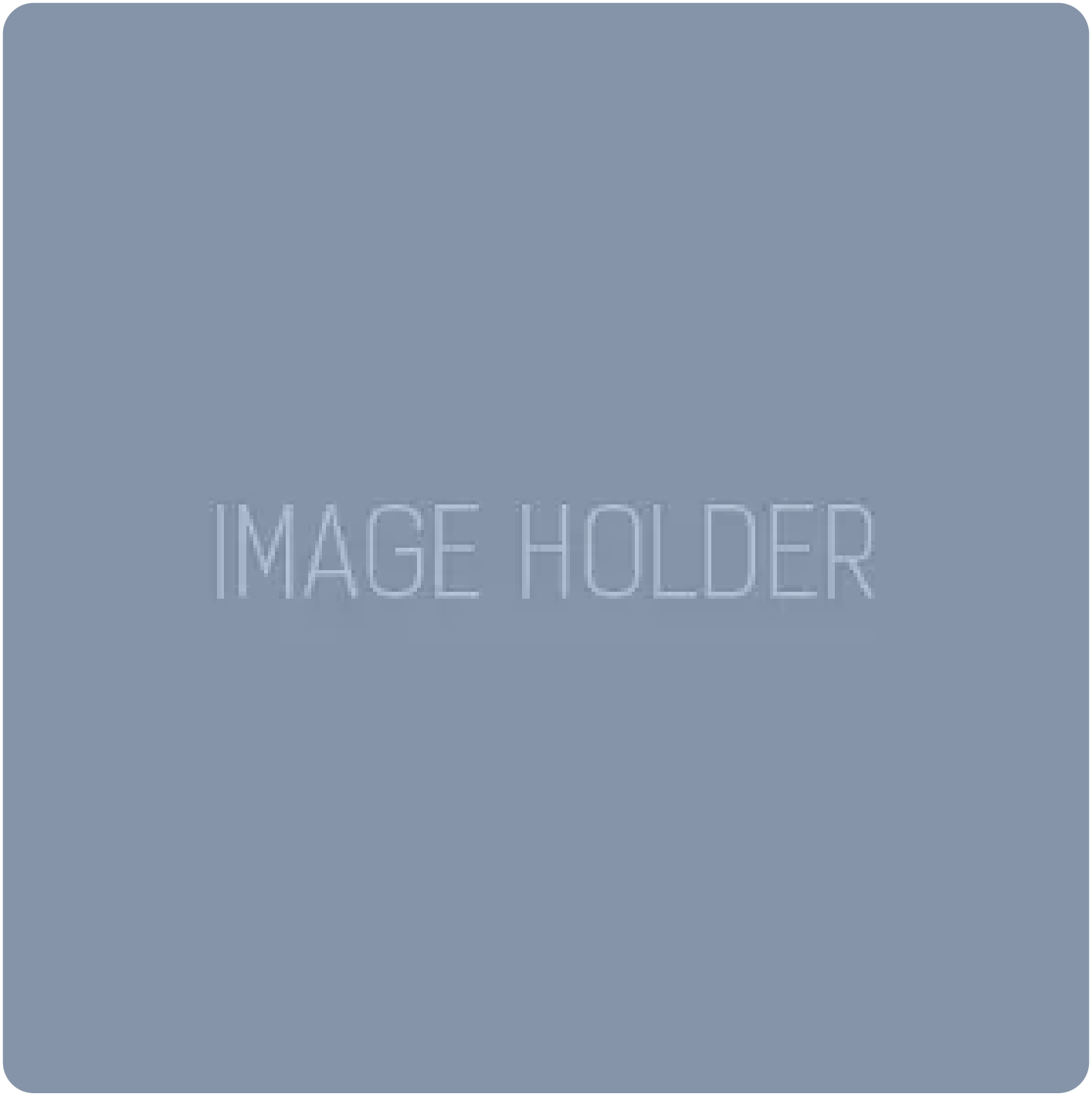

Новелла "Сватовство, или два холостяка в одном кабинете".

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Татьяна Юппи

Ссылка на публикацию

Сватовство, или два холостяка в одном кабинете

Наш литературный кружок находится в том доме, где расположена библиотека имени Фурцевой. Жаль, у меня нет даже временной регистрации в Москве. А то я бы стала завсегдатаем сего учреждения. Но, как беспаспортной, мне грубовато отказали. Однако, когда я выходила и бегло проглядывала огромный стенд о Фурцевой, любезная дама (другая, совсем не та, которая на выдаче книг) просила меня задавать вопросы о Фурцевой, она-де все расскажет. Я бы позадавала, но испортился настрой. Один мой бывший одноклассник -- Ваган, закончивший Московскую консерваторию и который теперь в Париже руководит любительским хором и дает частные уроки фортепьяно, чрезвычайно высоко чтит эту выдающуюся женщину и даже подарил другому нашему однокласснику, тоже музыканту, теперь скромно прозябающему на пособие во Франции, книгу «Екатерина Фурцева» серии ЖЗЛ. Немного депрессивное по своему рисунку и не вполне симметричное, но вместе с тем весьма привлекательное лицо «великой Екатерины» проводило меня грустными глазами.

Еще этот дом знаменит тем, что в нем жил Каганович. Как писал Рой Медведев в АиФ весьма давно, Каганович, будучи на пенсии, сам распорядился о сооружении беседки, где по вечерам резался в домино с соседями. Та ли эта беседка или уже другая? У этой вид как новой. Вокруг нее гуляют мамы с малышами. Стоит прекрасный августовский вечер, теплый и лилово-густой. Уже темно. Мы гуськом выходим из подъезда. Нас теперь всего пять человек. Иных уж нет, а те далече. Шикарная квартира теперь снова будет пустовать: хозяева – наши бывшие коллеги по Институту – уехали от коронавируса и вообще от греха подальше на дачу в Тверскую область. Выставляют иногда на ленту Фейсбука фото с шикарными помидорами или малиновыми кустами, настолько объемистыми и яркими, что мне кажется: это фотошоп.

Предводитель нашего литкружка Иван Глебович В. – бывший учитель литературы в нашем подмосковном городе Ж*. Мой ровесник, ему тоже 68. По окончании встречи он дает нам задание на следующий раз, который еще неизвестно когда состоится: Глебович прихварывает. Хвори не дают ему исполнить свое обещание выпустить сборник наших стихов и рассказов. Раньше он выпускался каждый год. Очень давно, когда я была совсем молодая, деньги на сборник давал Средмаш. А потом Минатом. А потом суп с котом: скидываемся грошиками мы сами. Глебыч теперь дал задание всем пятерым написать рассказ или стих про сватовство. Чисто для себя и для саморазвития. В сборник попадут самые разноплановые вещи, не только сватовство. И он будет отбирать. Мы с моей тезкой Розой переходим Фрунзенскую набережную, которая в этот момент необычно пуста. Ах да, мы запамятовали, что сегодня день бегуна. Непривычно тихо: нет машин. Дорога уже перекрыта, и скоро побегут физкультурники, кажется, от Лужников до Крымского моста и обратно. Интересно, измерили ли

им давление, пульс? По Москве-реке величаво и с песнями из отдаленных динамиков плывут малые и большие суда. Разноцветные огни мелькают и на палубах, и на противоположном берегу.

«Ох, я забыла, что пора собаку выгуливать», -- вдруг спохватывается Роза и прощально машет мне рукой. Я же перехожу улицу на красный свет, это сейчас безопасно, дорога перекрыта большими оранжевыми грузовиками. Я вдыхаю теплый речной воздух, чувствую его бархатисто-илистый бензиновый запах и радуюсь, что у меня не потеряно обоняние. А вот и первые ряды бегунов. Впереди мужчины, в основном высокие, спортивного сложения. Без масок, разумеется. Вдоль беговых дорожек равномерно расставлены росгвардейцы. На речной стороне стоят небольшие группы поддержки из молодежи, они полушутя выкрикивают песни времен моей молодости, например: «На минутку, на минутку, рассержусь я не на шутку» и иногда дружески бьют бегунов по рукам. Дальше идут не такие быстрые, и среди них уже видны девушки. Костюмы не обязательно спортивные. Одна девушка, очень стройная, длинноногая, в белой балетной пачке. Бежит, как танцует. Видна издалека. Некоторые не постоянно бегут, а переходят на ходьбу, потом снова бегут. Кто-то держит на груди или в руках светящиеся предметы. На той стороне, где дома, с накрытых столов можно ухватить бутылочку воды. Бегут в основном молодые. Людей старше 45 лет почти не видно. Я чувствую себя такой старой, что даже смущенно отворачиваюсь к реке, где безостановочно снуют кораблики, на которых я боюсь кататься из-за короны. Было дело, и мы так бегали. Помню: весной, еще не стаял снег. Пробежка к Первому мая. Вот сейчас приду домой и начну писать про сватовство. Название рассказа вы уже видели, дорогой читатель. А рассказчика назову своим настоящим именем, но это все-таки не совсем я. Итак!

Учиться в Московском областном педагогическом мне было не столь уж и тяжело. А иначе я бы не осилила трудный вуз. Неблестящее здоровье. С детства порок сердца, но не смертельный, слава Богу. Имела даже юношеский разряд по лыжам. Я окончила английскую школу и в педагогический тоже пошла на английскую филологию. Правда, поступила с приключением, хоть я и серебряный медалист: недобрала одного балла, и папе – крупному функционеру Средмаша в городе Ж*-- пришлось ненавязчиво вмешаться. Пообщался с нужными людьми в приемной комиссии… На взятки он был неспособен, они исключаются, просто ну не мог он пережить, чтобы я не поступила! Языки были его коньком, он даже на фронте был переводчиком, а потом еще всю жизнь учил языки и читал иностранные газеты, Юманитэ, например. Я ему носила их из киоска Союзпечати домой, киоскер знал нашу фамилию. Когда я закончила областной, меня хотели направить в отдаленную школу Московской области или уж – на выбор, у вас хороший средний балл, Роза! – в аспирантуру. По настоянию

папы возникла аспирантура. Защитилась не сразу. После аспирантуры меня направили преподавать английский в нашу лучшую среднюю школу города Ж*, мне понравилось, особенно импонировало, что группы детей маленькие, к каждому можно найти индивидуальный подход. Мешало только, что у меня не очень хороший звук р и вообще не идеальное произношение, но я же теоретик английской литературы (хотя позже стала рабом французской). Отработала честно три года, защитила диссер, к великой радости папы, и тут в его Институте аккурат открывается аналитический отдел, где потребовалось несколько переводчиков. Ну как не порадеть родному человечку. Мне бы и дальше преподавать в школе, могла бы уже и в завучи выбиться, я тогда была честолюбива -- в отца, но последний приказал мне перейти в аналитический отдел. И переводить мне понравилось, но уже не хватало такого общения, как было в школе. Тихие кабинеты, уткнувшиеся в бумаги малочисленные сотрудники, не чурающиеся сплетен и интриг. Ко мне приглядывались, моя кандидатская степень и «такая моя папа» не особо вдохновляли людей оценивать меня положительно. К тому же я была самая молодая и бездетная, всю сверхплановую, авральную работу взваливали на меня. Да еще папа озаботился моим замужеством. Моя младшая сестра уже давно была замужем и принесла родителям двух внуков. Меня восхищали эти малыши, я хотела тоже родить. Но в личном плане мне никогда не везло, несмотря на выигрышные внешние данные.

За мной ухаживал уже разведенный к тому времени мой одноклассник Ваган, папа нервно кричал: ни в коем случае, армян нам не надо! Ваган быстро и не очень эстетично сдулся, что меня неприятно удивило. Папа приглядел в ближайшем своем окружении одного вундеркинда-аспиранта, к несчастью, он оказался младше меня, мама ворчала по такому поводу, но папа был непреклонен, стал приглашать его к себе домой в нашу огромную многонаселенную квартиру . Петя не мог не влюбиться в меня. Мне было 28, но выглядела я едва на 20. Огромные ничем не крашеные черные ресницы, осиная талия, игра на ф-но. Началось все с прогулок под луной, и вдруг Петя исчез. На два месяца. Размышлял обо мне, стоит ли жениться, и был к тому же в запое. Как об этом не знал папа? Петя был ведь нехилый алкоголик. Но когда Петя по зрелом размышлении все-таки решил, что надо придерживаться предначертанного моим отцом пути, и пришел в гости уже лично ко мне, я была несказанно рада! В 70-е годы прошлого века непременно надо было быть замужней дамой. Я даже сама сделала ему предложение, после того как мы были уже четыре раза близки. Для меня эта близость была сугубо ритуальной, подготовкой к законному супружеству, а для Пети – новым наркотиком, который отвлек его от алкоголя. Из запойного алкоголика он стал культурно пьющим. Наш первый ребенок – дочка – появился на третьем году нашего брака. А вот

сегодня нашему браку 40 лет. Как говорит моя приятельница Нина, сосватанные браки более прочные, но менее счастливые. В этом банальном утверждении что-то есть. Я много раз пыталась развестись с Петей, который совершал поступки, абсолютно несовместимые со статусом мужа. Он агрессивный, невыдержанный, много раз ударял меня, даже на глазах у детей, он непрерывно и нудно критикует меня. Он всегда недоволен, какие бы подвиги я ни совершала. Критика носит характер проекции: он обзывает меня ленивой, плохой хозяйкой и плохой матерью, хотя это он ленив по дому, хозяин просто никакой и очень плохой отец. Он никогда не давал мне согласия на развод, несмотря на то, что мы давно уже не живем почти никогда вместе: он живет в нашей квартире в Ж*, я живу на зимней даче моих покойных родителей, что вызывает откровенное недовольство моей сестры Лили – вечной моей соперницы. Правда, на даче меня конкретно не бывает: в крутую холодную зиму, на пике лета, когда приезжают из США Лилины внуки и когда у Пети резкое обострение хроники (частенько).

Петя настолько агрессивный критикан, что мне никогда не хотелось приходить домой. Мне было плохо дома, то есть с ним, дети же (две дочки) тоже меня непрерывно критиковали. Он приучил их к этому. Когда он постарел и стал тяжело болеть, мне стало его жалко, да, собственно, и всегда его было жалко. Он происходит из очень плохого общества, в отличие от меня. Но сейчас мне хочется только читать и писать книги, мне хочется одиночества и чтобы хоть где-то изредка публиковаться, а тогда, в 1986 г., когда я перевелась в наш городской филиал одного отраслевого вуза, на кафедру языков, я была еще очень энергичной, волевой и общительной, молодой и красивой женщиной. Во мне проявилась уверенность в себе (то, что ранее было уничтожено строгим и холодным воспитанием со стороны родителей), мужчины ко мне так и липли. Но липли слегка. Я не вызываю к себе серьезного отношения. Да, это моя участь, подобно участи многих так называемых ресурсных женщин (красивых, умных и компетентных): от тебя отсасывают ресурс и удирают. Любовь, интим для меня – это что-то обманное, это цепь предательств (но никогда с моей стороны: по натуре я моногамна). Итак, мой сосватанный брак подтверждает Нинкину максиму: несчастный, но прочный. Не только мой папа, но я и сама грешила желанием кого-то сосватать. Поэтому я приступаю к описанию следующего застывшего в памяти эпизода.

Помню, что 1986 г. был наполнен особо яркими событиями. Велеречивый молодой генсек, что-то нам обещающий, но в обещаниях мы еще «не разобрамшись». Меня сделали зам зав кафедрой, дочка подросла и стабильно ходила в садик, Петя тоже защитился, хотя и совсем оторвался от дома, играя в теннис по 20 часов в неделю. Я со своей стороны тоже имела некоторые хобби: стихи, конечно (Глебович со своим клубом авторской песни уже построился, в

клубе было ф-но, на котором всегда играл Ваган), изучение других языков, запойное чтение, рукоделия, женские посиделки, а уж если шоппинг с выездом в московские магазины, то пиши пропало. В этом списке Петю особо возмущали мои вязальные спицы и столичная трата денег, даже если она совершалась ради самого необходимого.

И вдруг приходит ко мне на кафедру бывший докторант моего отца (папа к тому времени уже скоропостижно умер), очень социально активный товарищ, не хуже меня, и говорит: «Слушай, Роза, тут ко мне обратился наш молодой второй секретарь горкома, Леша, ну ты его знаешь, он с тобой же учился на педагога. Кстати, вовсю пишет докторскую по антропологии, знаешь такую науку? Короче, его со всех сторон окружили памятники, ну которые такое общество создали, «Память», да еще и ДОТ, это добровольное общество трезвости. Твой отец в последние 20 лет жизни, насколько я помню, совсем не пил, тебя вроде тоже тошнит от этого дела, я заметил, так я к тебе обращаюсь, не поможешь ли ты Леше? Он славный парень, искренне поверил в это дело. Сам бросил пить, тем более наш новый генсек ввел решительные ограничения. Но он очень устает от этих трезвенников-памятников, ребята выходят из берегов, давят на Лешу, сами между собой ссорятся, пропаганду ведут не в том русле, ну вот скажем, мол, русский народ спаивают евреи. Леша хочет организовать при горкоме комиссию по этому делу из приличных гуманитариев, я ему тебя рекомендовал. Первое заседание сразу после 8 марта, приходи, название комиссии сами придумаете». Я слегка оторопела, выслушав этого человека. Я даже ничего не могла умного сказать, кроме того, что русский народ сам с удовольствием спаивает себя. Но в ближайший четверг все-таки нарисовалась в новом, шикарном здании нашего горкома, хотя я и не была членом партии. Красивый Леша приветливо меня встретил, усадил рядом с собой. На заседание пришли еще два молодых (чуть за сорок) гуманитария – Сергей и Слава. Они преподавали в том же Филиале, что и я, только на кафедре философии. Слава почему-то сразу начал кокетливо поигрывать глазами передо мной. Глаза у него и правда были красивые, большие, светлые. Несколько излишне выпуклые. Но весь он был какой-то теплый, упитанно-сдобный и симпатичный, как пирожок с повидлом. Мы договорились, что будем встречаться на их кафедре, выработаем план действий.

«Давайте крутить, -- подытожил Леша. – Этот участок работы и правда серьезный. «Памятники» – это в основном физики, математики, а в Москве – архитекторы. Они политически не подкованы, заносит их. Если мы в это движение вольем гуманитариев, оно облагородится. А пока партия, если честно, просто не знает, что делать с этим движением. Неожиданно оно на голову нам свалилось. Там и бывшие алкоголики, и диссиденты, и психбольные. Может быть, мы с вами вообще выработаем научную постановку вопроса, оттесним их

чисто организационно».

Как выработать научную постановку вопроса, я просто не представляла. Но я тогда была человеком ответственным и, нормально не поспав несколько ночей, пришла к моим новым друзьям-философам. Меня хлебом не корми, дай с кем-то познакомиться и побазарить на околополитические темы. Тем более их кафедра была совсем недалеко от меня, надо было пройти через пристройку на третий этаж. «Ой, кто к нам пришел! – обрадовался Слава. Он налил мне чаю в стакан с подстаканником и стал вдохновенно говорить, что алкоголь занял слишком большое место в нашей жизни, люди без него не общаются, в трезвом виде им даже не о чем поговорить. Но по поводу ограничительных мер люди злятся, а как же, отняли соску. На этом месте зазвенел кафедральный телефон. Славу через общество «Знание» приглашали выступить с лекцией по этике на одном небольшом заводе. «Не раньше, чем через месяц! Не могу с одним и тем же выступать. Надо обновлять материал, уже пора подготовить свежатинку», -- крикнул в трубку он. А мне, поигрывая глазами, сказал, что этику, хоть кантианскую, хоть спинозовскую, хоть спиркинскую, человек должен периодически почитывать. Ставить себя в рамки, думать о поведении, об ошибках. Все это мне было интересно, но я пыталась повернуть разговор на насущную, поставленную Лешей проблему, однако Слава как будто мгновенно выпал из темы. Хотя и продолжал поигрывать красивыми глазами. Он без перехода пожаловался мне на одиночество (он давно развелся), на депрессию и на апатию: «Меня тащат женщины в койку, а я не хочу. До того все обрыдло». Что касается «памятников» и дотовцев, то он заметил, что Андропов допустил взрыв национализма в СССР, в том числе и русского, что движение трезвенников возникло не на пустом месте, скоро СССР перейдет на капитализм или по крайней мере на новый нэп и надо посмотреть-прикинуть, как народ переживет ограничения. Однако нельзя сбрасывать со счетов и то, что не только партия, но и алкогольная мафия спаивала и спаивает народ. На этом месте пришел Сережа, у которого только что закончилась лекция. «Спаивают масоны, что тут спорить, -- мгновенно включился он в беседу. – Пришло вообще время масонов. Я тут недавно в командировке был в Горьком на конференции, со мной в комнате один мужичок из Ярославля поселился. Я у него спрашиваю: как у вас в Ярославле обстоит дело с масонством? А он мне в ответ: «Я самый главный в Ярославле масон, но правду мы вам, профанам, никогда не скажем». В этот момент я вспомнила, что меня ждет дочка, к тому же я была слишком взволнована артистичным Славиком, он мне как-то сразу понравился, тем более одинокий и так многозначительно глазами в мою сторону вращающий. Петя по отношению ко мне все более и более ожесточался, я с трудом все это тупо переносила, здоровье мое все ухудшалось, открывалась язва – папины гены. Мы договорились с этими ребятами, что на одно заседание «Памяти» я схожу, с

целью «провентилировать», а потом мы с ними еще встретимся. «Слава – подозрительно компетентный товарищ, -- озабоченно думала я по дороге домой. – Наверняка связан с органами».

Ночью мне пришла мысль поговорить завтра с моей приятельницей Ниной. Нина работала на моей кафедре. Она тоже раньше работала в школе, но ей это не нравилось, я же сначала устроила ее секретарить, а потом ее повысили в должности: она стала преподавать немецкий. Нина была своенравна, внешне привлекательна, кокетлива, одинока. Она происходила из немецкого села в Алтайском крае, была похожа и на немку, и на ойротку. Эдакая гремучая смесь. По кафедре ползал слух, что она связана с органами. Но в 1986 г. таких людей уже не сильно боялись.

На другой день Нина мне сообщила следующее. Сережу она знает хорошо, но не пояснила, каким образом. Сережа холост. Он стоит на учете у психиатров, потому что в молодости он совершил попытку самоубийства на почве несчастной любви к некоей Оксане. С тех пор у него открылась тяжелейшая язва, которая не проходит. Вроде бы сейчас у него есть подруга, Оля Т., она работает в одном отделе с моим Петей. А Славу она знает плохо, но как раз не прочь познакомиться поближе. И вообще, ты замзавкафедрой, должна устраивать личную жизнь сотрудников, заключила она то ли шутя, то ли серьезно. В любых отношениях она была довольно требовательной. Она была окружена поклонниками, они часто звонили на нашу кафедру, но все они были женаты. Сама Нина давно побывала замужем, родила ребенка, но он прожил всего несколько дней, у него был тяжелый порок сердца. После чего они с мужем расстались. У Нины был крупный недостаток: она со школы была заядлой курильщицей. Может быть, поэтому у ее новорожденного ребенка был порок сердца. Немножко похоже на мою ситуацию: моя мама тоже с 17 лет курила. И у нее был порок сердца, потому что моя бабушка тоже курила и тоже с юности.

Для Леши надо было готовить аналитическую записку, и мне пришлось снова пойти на кафедру философии. Я уяснила себе, что с этими красавчиками интересно только поболтать на смежные темы, но работать придется мне. Хотя они были членами КПСС, философам без этого нельзя. Слава опять жаловался на депрессию и одиночество, опять играл глазами. Я невольно залюбовалась им и даже увлеклась приятным, мягким тембром его голоса. Мне было тогда 34 года. Расцвет моей природной красоты, несчастный брак, смутная игра гормонов… Любовника мне не надо было, я для этого слишком рациональна и скептична, а вот пообщаться и повосхищаться новыми собеседниками мужского пола мне был завсегда приятно. Сережа тоже был приятным на вид собеседником.

Он был тонок, высок, строен, независим в общении, в меру насмешлив. Томный нытик Слава был ему противоположностью во всем, даже внешне. Но они смотрелись друзьями. В один из дней Славик вдруг напрямую заявил мне, что если я не захочу с ним встречаться иногда в кафе или даже у него на квартире, то не могу ли я найти ему подружку, похожую на меня, такую же социально приятную. Предложение типа «или ты, или другая, похожая на тебя» мне показалось слишком тупым, чтобы считаться вдохновляющим, но я вспомнила, что Нина полушутя просила меня устраивать ее личную жизнь. Через два дня я с горячего согласия Нины передала Славе ее номер домашнего телефона. Она жила не в нашем городе Ж*, а в небольшом поселке неподалеку, там ей дали однокомнатную квартиру. Ну, разве это не сватовство? Сначала у них явно обозначился конфетно-букетный период. Нина украдкой в институтской столовке поблагодарила меня за интереснейшее знакомство, потом в конце рабочего дня поведала мне некоторые детали. Слава не может прийти в себя после развода. С женой он маялся всю жизнь, она постоянно изменяла ему, он буквально вынимал ее из чужих постелей – не без скандалов. Подальше от бывшей супруги он уехал из Челябинска-70. Его дочь уже почти взрослая, учится в Москве на журналиста, очень способная, но пришлось принимать спецмеры для ее приема, использовать бывших однокурсников. Вроде бы Славе очень пришлась по душе Нина, он называет ее обаяние колдовским. Через три дня она снова сказала мне, что он называет ее колдовкой. Я зачем-то снова пошла на кафедру философии, хотя моя аналитическая записка для Леши была уже готова, надо было только ее отдать машинистке, хотя бы в машбюро Института. Слава уже не скулил на тему одиночества, а распушился аки павлин и благодарил меня за знакомство с интересным человеком. Явно обладающим экстрасенсорными способностями колдуньи. Когда я вернулась, Нина вдруг резко порекомендовала мне больше к нему не ходить, потому что он надо мной насмехается, говорит, что я влюблена в него, что у меня славная мордашка, но кривые ноги, над которыми он смеется. Этот разговор мне был крайне неприятен. Тем более как я могла быть влюблена в него, если познакомила его с Ниной? Я не героиня Шадерло де Лакло. К тому же ноги у меня абсолютно прямые, пусть не свистит. Этот разговор отдалил меня и от Нины. Но не сильно ранил. Потому что новая волна отвлекла и повлекла меня с непреодолимой силой. Я стала завсегдатаем клуба ДОТ, там было очень много интересных собеседников мужского пола. Это уже не была скандальная «Память», ДОТ отделился от «Памяти», потому что многих активистов уже не привлекала слишком антисемитская постановка вопроса. Или они решили быть более осторожными, как и я сама? Папа у меня белорус, но внешне очень похож на еврея и даже дочек назвал Роза и Лилия. И евреев любил поругивать, но как-то обтекаемо. И там на заседаниях «Памяти» уж очень громко кричали на

указанную тему. В ДОТе же обстановка была более интеллигентная, и я почему-то легко вступала в разговоры на еврейскую тему. Мне почему-то доверяли, несмотря на мою почти еврейскую внешность, в ДОТе еще были евреи, очень славные ребята, постепенно мы перековались в русских националистов и сторонников независимости России. Я была на многих их заседаниях. Усвоила их лексику и думала про себя их же словами. «Культурное винопитие – моральное оправдание пьянству». «Даешь сухой закон». «Даешь сухой закон для себя». «От пьющих вино рождаются неврастеники». «Николай Второй сдал большевикам трезвую страну». «Сухой закон отменили троцкисты». «Трезвый пьяной свинье не товарищ». «Ленин сохранил царский сухой закон, но его отменили троцкисты». Наш первый в городке кооператив сделал нам (тогда еще полуподпольно) серию маек с надписью: «Не пей! С пьяных глаз можешь обнять классового врага» (М.Зощенко).

Я стала поздно возвращаться домой. Это бесило Петю. Он говорил, что я попалась на удочку подонков и фашистов. Один раз во время ночного спора порвал на мне ночную рубаху. Он демонстративно участвовал в выпивках на работе и рвал стенные газеты ДОТа. Мы стали совсем чужими людьми. ДОТ он не простил мне никогда и поминает его без всякого повода мне в пику, ни к селу ни к городу. Хотя мы родили потом вторую дочку, которую он очень любит. Потому что я очень хотела второго ребенка, несмотря на неудачный брак. Я все вычислила заранее. Во-первых, у Пети отрицательный резус (и у меня тоже). Во-вторых, он по моему настоянию год совсем не пил перед зачатием. Но это произошло уже в 1991 году, когда Россия и стала независимой, к моему большому несчастью. Ведь была страна… Но я немного забежала вперед. Нину в 1986 г. я стала бессознательно избегать, но через несколько недель она сама подошла ко мне и аттестовала Славу как подонка и …(купюра и еще раз купюра). Речь ее была сбивчивой, я не могла толком понять, в чем дело. Что-то интимное. Конечно, Нина капризна и нетерпима, но и Славик мог оскорбить ее, рассуждала я. Она была так зла на него, что вынашивала планы мести: некий ее знакомый, который ради нее на все готов, подходит к Славе ночью и как бы протирает его лицо кухонной теркой для овощей. Эту ее вспышку злобы притушило другое несчастье, которое случилось тогда – как раз с тем самым неким ее знакомым. Она сама повествовала мне о нем на разные лады и в течение нескольких месяцев. Это был Нинкин друг и поклонник, но женатый и имеющий кучу семейных проблем, например, непутевого пасынка. Нина не отвечала на какие-то его требования, вроде он звал ее замуж после своего развода. Он написал ей письмо, которое пришло к ней после его самоубийства (намеренно врезался на машине в столб). Ее потрясло, что человека уже не было, а письмо пришло как от живого. Дело было летом, каждое лето Нина летала к родне на Алтай. Она села тогда в самолет до Барнаула и подумала, что

умрет в полете. Когда она вернулась, то пришла на кафедру философии к Сереже и спросила у него, что он чувствовал, когда хотел покончить с собой. Она не сообщила мне, как он ответил. Вроде он отмолчался.

Слава уже, разумеется, не дружил с Ниной, но на институтских вечерах подходил ко мне всегда. Когда я была беременна, почему-то насмешливо посоветовал мне не экспериментировать, меня это покоробило. Знаток этики, тоже мне! Он еще сказал мне, что женился, и похвастался фотографией своей красавицы жены. Только сказал, что они не могут больше иметь детей, хотя она желала бы. Потом я ушла в счастливое позднее материнство, но в нашем тесном городке (Фолкнер отдыхает) была невольно и вольно в курсе всех новостей.

Худого и стройного Сережу я часто видела с такой же худенькой Олей. Она имела передо мной грех, но я ей простила, а куда деваться? Оказалось, что когда мы с Петей наконец собрались заводить второго ребенка, он был увлечен своей бывшей однокурсницей, она приезжала из Москвы, и Оля предоставляла им свою однокомнатную квартирку. Однокурсница была замужем за нашим общим другом. И тогда Петя, явно страдающий от внутреннего конфликта, третировал меня особенно жестоко. Правда, потом их идиллия (которой скорее всего почти и не было, потому что однокурсница комплексатиком не была, не чета мне) закончилась истошными криками моего Пети в мой же адрес: «Ты мне нужна!» и очередной вспышкой любви ко мне. Так называемой любви! Эта вспышка долго не длилась, как и все последующие. Впрочем, пора вернуться к Сереже и Оле.

Сережа и Оля были близки много лет, Сережа обещал жениться, если Оля забеременеет. Но Оле в этом плане не везло, и вдруг однажды Сережа сказал ей, что бросает ее. Он уходит к другой женщине. Дело было под Новый год, кажется. Вроде это был конец Ельцинской эпохи. Оля лежала пластом на ковре в своей квартире и обдумывала технически приемлемый способ ухода из жизни. Как вдруг к ней позвонил какой-то незнакомый голос и сказал, что он приехал из Киева и ее друзья просили ей передать какой-то подарок. Она вяло прошептала: «Приходите». Носитель голоса оказался вечным робким холостяком, но вряд ли это было сватовством со стороны ее друзей. Они понравились друг другу с первого взгляда и вскоре расписались. Но только снова ей не повезло. Его мать овдовела и потребовала ее мужа к себе в Киев, ухаживать за ней. Он часто потом прилетал из Киева к Оле, но она так тосковала из-за всей нелепости ситуации, что стала потихоньку спиваться. Кажется, потом она все-таки переехала к мужу в Киев, когда вышла на пенсию. Дальше я не знаю.

Но Сереже не повезло больше. Его новая женщина, лет на 15 моложе его, оказалась бизнесвумэншей. Ребенка она не хотела, но зато непрерывно делала

долги и вовлекала в них Сережу. У него совсем не стало денег помогать ей, и она резко бросила его, не менее резко, чем он в свое время Олю. К тому времени он уже болел серьезно и вскоре умер от опухоли мозга. Умер он доктором наук. В возрасте чуть более 50 лет.

Сочиняя этот рассказ, я разыскала в Википедии Славу. Он при позднем Ельцине вернулся в свой Челябинск, защитил докторскую, возглавлял какие-то аналитические центры и кафедры, прославился исследованием мафии и вообще оставил о себе самые добрые воспоминания. По крайней мере, так было сказано в некрологе. Да, он умер, в возрасте 67 лет. В Яндекс-картинках были его фото, годы сделали его еще лучше, благородней внешне. Нина вскоре после моего столь неудачного сватовства нашла себе одинокого кавалера, по слухам, офицера в отставке из органов. У него была непутевая дочка и внучка, которую Нина сразу стала опекать. Офицер вроде бы очень любил Нину, но вскоре стал терять память (говорят, что много пил) и звонил ей на кафедру каждые полчаса, задавал один и тот же бытовой вопрос да еще в придачу спрашивал, любит ли она его. Он был намного старше Нины и вскоре умер. Нина по-прежнему опекает его внучку и даже оплачивает ее обучение в нашем филиале. Алеша тоже умер несколько лет назад. Его карьера чисто внешне удалась: после потери своего партийного поста он защитил докторскую и стал чиновником в нашей городской администрации. Он организовал также научный центр по изучению рынка труда в нашем закрытом городе, который вскоре открылся. Приезжали даже исследователи из заграницы, и меня поразило, что рабочий язык конференции был английский. Нашей семье остро не хватало денег, и после того, как я вышла из декрета, я хотела подрабатывать и у Леши, но он мне отказал (думаю, на том основании, что я мать двоих детей и не справлюсь). В нашем городке еще в 1991 г. открылась церковь, где Алеша и его супруга, которая тоже была моей приятельницей, стали верными прихожанами. Я тоже покрестилась, и покрестила детей, и всегда исповедовалась у отца Димитрия – молодого целибатного священника. Как-то он заметил, что сватать нельзя. Не то чтобы это грех, но это моральное давление. Пожалуй, он прав. Он не очень хорошо знает, что такое семейная жизнь, но что такое сватовство, он, видимо, знает, наверняка его много раз сватали.

PS. Ну вот, я закончила свой рассказ. Глебович, конечно, придерётся. Скажет, что много сплетен и вообще рассказ слишком женский. Может даже сказать: вы возомнили себя Викторией Токаревой, а ведь время ее прошло. Экий знаток литературы. А я не могу иначе. И я – это я, а не Токарева. «Не сравнивай, Живущий не сравним», -- как писал Мандельштам… Однако хотелось бы добавить некоторые политические, или околополитические нюансы. Во-первых: Леша тогда сказал, что надо сформулировать научную постановку вопроса.

Иначе дело трезвости провалится. Я сказала ему (и писала в аналитической записке), что надо действовать через сознание людей, а не злить их очередями, на что он мне сказал: «Не переоценивайте роль сознания». Но если уж точнее выражаться, то это подсознание, раз это соска, которую ребенок не хочет отдавать, тут прав был Слава. Жаль, что вроде умный мужик был, но не захотел подключиться к выработке научного метода борьбы за народную трезвость. Был занят поисками в другой сфере, и то, что было на моих глазах, было тоже не фонтан.

Кстати, у Леши карьера двигалась не совсем уж гладко. ДОТовцы и памятники портили ему имидж. В 1987 г. пришел новый первый секретарь горкома и стал делать Леше нервы, Леша даже неоднократно попадал в неврологическое отделение нашей больницы. Добавлю еще, что в ноябре 1987 г., после ноябрьских праздников, я поехала в Москву делать шоппинг, хотя в магазинах становилось все меньше и меньше товаров… Вижу, народ собрался у витрины АПН (Агентство печати «Новости», если я помню правильно) и разглядывает фотооотчеты о праздновании 70-летия Октября. Все Политбюро выстроилось с бокалами. На столиках бутылки с темным вином, пей не хочу. Народ комментирует:

-- Смотри, все косые.

-- Да уж, напились, а мы в очередях убиваемся.

-- Хорошие мужики, да не орлы.

-- Будто есть чем гордиться. 70 лет как с куста упали. Довели страну до ручки, магазинные полки пустые.

Я поняла, что «не-орлы» из Политбюро бросили дело на полпути, начав его довольно топорно. Или они правда готовили народ к ограничениям? Как всегда на Руси: налицо манипуляции, неуважение к народу. Я, глядя на эту витрину, вспомнила поэта Бродского, который как раз в те поры стал известен советскому народу, его стали печатать, а он ведь жил в США. «Основная трагедия нашей жизни — это вопиющее неуважение людей друг к другу». Разве он не прав?

Потом постепенно ДОТ распался, люди ушли в пропаганду ЗОЖ, в технологии борьбы с индивидуальным пьянством. Немногие молодые предводители ДОТ – самые последовательные -- получили дипломы о втором высшем -- психологическом образовании и стали внедрять эти технологии, уже за деньги. Эти технологии уже потом были вытеснены кодированием, которое далеко не однозначно влияет на здоровье, да и часто неэффективно. Большинство же членов ДОТ и их симпатизантов оказались вообще непоследовательными. У нас

на кафедре стали снова стоять на ушах в праздники. Партбоссы Лешу тихонько травили, он все это плохо переносил, его пытался успокоить Слава, звонил ему по телефону и предлагал вместе пойти напиться с горя. Да что теперь жалеть! Произошло то, что должно было произойти. И это не единственная загадка века, который оказался вообще волкодавом.

Рассказ написан в год пандемии коронавируса — в 2020 г. Опубликован в сб. : По обе стороны моста. Сон о море. -- М.: СКОЛ, 2020.